

International Journal of Russian Studies

Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi

ISSN: 1307 - 3419, Ankara - TÜRKİYE

Volume 1/1 January 2008 p. 41-57

www.radtr.net

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ ЕВРОПЫ

Александр Степанов

Summary

In conditions of democracy, collective representations of the degree of affinity among various peoples and countries play a more and more important role in the processes of political integration and decomposition, even in Europe. In this article, the structure of Europe as a whole, consisting of so-called regional ensembles, i.e. informal groups of geographically, cultural and historically related states is considered. It is determined that such structures appear to be rational in a high degree and even symmetrical, showing clear attributes. In addition, the question of a similar system in the post-Soviet space and the character of its interaction with Europe in the context of the next decades is discussed. Finally, an analysis which leads to the formulation of a rather optimistic conclusion about the likelihood of the formation of a "Greater Europe" is made. However, the most likely scenario is within the framework of an umbrella association consisting of two relatively independent components: the European Community and the post-Soviet bloc.

Key Words: Europe structure, regional ensemble, European Union, Europe a nation, Europe of the nations

Современный исторический процесс нередко описывается в виде единства противоположно направленных тенденций, как симультанная глобализация и локализация, в связи с чем в научном лексиконе появились такие слова-кентавры как «глокализация» (сочленение глобализации и локализации, R.Robertson), «фрагмеграция» (фрагментация с интеграцией, J.N.Rosenau), «фраглизация» (фрагментация и глобализация, K.Krzysztofek). К числу реальных феноменов, воплощающих в себе единство интеграции и фрагментации, могут быть отнесены, в частности, блоки (блоки государств) и региональные ансамбли, или топосы. В настоящей статье нас будет интересовать европейский блок как составное целое в его наличном состоянии и среднесрочной перспективе.

Две знаменитые модели: «Отечество Европа» и «Европа отечеств», – ставят акцент соответственно на унификации и парциальности, на помещении центра суверенитета и культурно-политической идентичности ближе либо к блоковому единству, либо к отдельным государствам. Ведущие резоны первой модели – самоопределение европейского блока по отношению к внешним силам, повышение экономической и политической конкурентоспособности европейцев на мировой арене. Вторая модель в большей мере настаивает на сохранении национальной идентичности в традиционных культурно-исторических формах. Поэтому, описывая данную альтернативу, говорят о более рациональном, практичном характере первого варианта, о его преимущественной ориентации на внешние факторы и на будущее («прогрессивность»), тогда как второму варианту присущи более бережное отношение к духовному, внутреннему, органическому, более консервативная и менее глобалистская окраска.

В исследованиях взаимодействия двух встречных тенденций недостаточное, на наш взгляд, внимание уделяется единицам, более крупным, чем отдельное государство, и менее крупным, чем блок, т.е. региональным ансамблям. Между тем в Европе в ходе истории сложились группы родственных государств, связанных традиционными узами, общими проблемами и задачами, а падение «железного занавеса» устранило былые барьеры между ними. Несмотря на

неинституционализированный, неформальный характер упомянутых групп, о них так или иначе известно большинству населения каждой из причастных стран. Являясь, таким образом, значимым фактором коллективного сознания (в определенной мере и бессознательного), они оказывают не всегда явное, но зато долговременное влияние на реальную политику. Поэтому необходимо восполнить упомянутый пробел, попытавшись построить представление о Европе как относительно единой системе с точки зрения составляющих ее региональных ансамблей. Составим их список.

1.

В журналистике и политологии за Польшей, Чехией, Словакией, Венгрией закрепилось название «Вышеградская четверка». Пребывая в промежуточной зоне между Западной Европой и Россией, эти страны испытали влияние обеих сторон. Составим краткий перечень доминант данной группы.

Географическая компактность. Исповедуемый большинством населения католицизм. Формирующее влияние Австрийской империи (на Польшу – частично) и одновременно обретенная – в 1918 г. – независимость. В промежутке между двумя мировыми войнами – националистические правительства, роль «санитарного кордона» вокруг Советской России. Вторая мировая война – оккупация или подчинение фашистской Германией, затем полувековая принадлежность советскому блоку. 1989 г. – демократические революции. Нынешний экономический статус – среднеразвитые индустриальные страны. Общность географического положения и исторических судеб обуславливает двойственный «западно-восточный» национальный характер: гордость малых, испытавших покушения на свою независимость наций. Наконец, ныне однотипность надежд, связанных с членством в ЕС (Европейском Союзе), и проблем: потребность в глубокой модернизации. Немаловажно и то, что до 1993 г. Чехия и Словакия – одно государство, а 10% населения Словакии – этнические венгры. Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы получить представление о Вышеградском региональном ансамбле.

2.

Южную часть Восточной Европы занимают православные государства: Румыния, Болгария, Греция, Кипр[1]. В прошлом – значительное влияние Византии (которой они и обязаны православием), затем Османской империи. Историческое наследие этих стран контрастирует с Вышеградской четверкой, пребывавшей под сенью не Османской, а Австрийской империи: во-первых, не иноверной (Венгрия, Чехия, Словакия, Польша – как и Австрия, преимущественно католические), во-вторых, оставившей после себя более высокий уровень промышленного развития, просвещения, трудовой морали.

Многие исследователи, впрочем, предпочитают интерпретировать корни последнего фактора в более объективном ключе – как результат до сих пор не окончательно преодоленной общей неоднородности (и мирового сообщества в целом, и Европы) по линии не только «Запад – Восток», но и «Север – Юг». Давно изучены и причины: основным историческим центром индустриальной революции, согласно классическим теориям модернизации, являлся протестантский Северо-Запад, где в силу климатических обстоятельств норма прибыли в сельском хозяйстве была ниже, чем на Юге, но зато положительную роль сыграл выход к Атлантике, в течение последних веков важнейшей торговой артерии. По мере удаления от центра на юг и восток энергия модернизационного импульса в среднем снижалась. В XX в. значение таких механизмов развития постепенно уменьшалось, однако следы их действия различимы и до сих пор, как в экономической, так и политической сферах.

Поэтому, хотя Румыния и Болгария на рубеже 1980-90-х гг., как и их соседи на севере, переживают демократические революции, они были поставлены в более длинную очередь в ЕС. В свою очередь, Греция лишь три десятилетия назад (1974 г.) избавилась от диктатуры «черных полковников» и несмотря на невхождение в состав коммунистического блока позднее многих (с 1981 г.) обрела членство в ЕС. Определенная проблемность политического наследия объединяет Румынию, Болгарию с Грецией, на Кипре же законсервирован конфликт с его северной частью. Однако к настоящему моменту вся означенная четверка уже пребывает в рамках ЕС.

Составим сводку доминант ансамбля. Общая дислокация в важном со времен еще античной Греции ареале – Восточном Средиземноморье и бассейне Черного моря. Близкие климатические условия. Специфически южный тип хозяйств: высокая доля

аграрного сектора, дефицит высокотехнологических производств («отсталость»). Сохранение реликтов традиционного общества (народной культуры). Единая профессиональная принадлежность. Общая историческая судьба: факторы Византийской и Османской империй, сравнительно позднее для Европы обретение независимости. Демократические режимы установлены лишь полтора или несколько десятилетий назад. Сходство проблем, интересов, ближайших задач и перспектив (ЕС, НАТО). Не достаточно ли сказанного для манифестации определенного единства группы, состоящей из Румынии, Болгарии, Греции, Кипра, и, соответственно, формирующегося здесь регионального ансамбля?

3.

Обратимся теперь к расположенной на юге Европы полосе романских государств: Италии, Франции, Испании, Португалии.

Каковы их главные особенности? Общие география и климат. Лингвистическое родство (романская группа языков). Доминирующее католичество. Все четыре страны – ареал Римской империи; в историко-культурном аспекте это, несомненно, Западная Европа. В прошлом здесь – бастион Контрреформации. Благоприятные условия для сельского хозяйства и туризма. Одинаковые задачи преодоления традиционных укладов (для Испании и Португалии – целиком, для Италии и Франции – на юге). В XX в. – наличие мощных тоталитарных движений (фашистских и/или коммунистических). Великое историческое наследие (все – империи, и все – в прошлом), энергичное содействие единству Европы («евроэнтузиазм»). Членство в ЕС и НАТО. Возникают ли сомнения, что это региональный ансамбль?

К нему также следует отнести другие южные католические страны: Андорру, Монако, Сан-Марино (в известной мере и Ватикан). Однако с учетом малых размеров, частичной зависимости их место в ансамбле относительно второстепенно, поэтому к ним применимо условное описание посредством категории «остальных».

4.

Теперь поднимаемся на северо-запад европейского континента. Бенилюкс, экономический союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, образованный в 1958 г., – один из классических региональных ансамблей. С IX – X вв. здесь располагался один из двух полюсов (наряду с Северной Италией) европейской экономической жизни; с 1500 г. Антверпен, с 1600 г. (до XVIII в.) Амстердам – главные центры европейской мир-экономики [Бродель 1992]. В настоящее время Маастрихт – место пребывания Еврокомиссии, Гаага – Международного суда, в Брюсселе базируется штаб-квартира НАТО, что повышает статус субрегиона.

Рассматриваемые территории издавна связаны тесными политическими и экономическими узами. Наряду с современной Голландией, Бельгия и Люксембург – части исторических Нидерландов. Т.е. перед нами прежде единое государство, части которого разведены, но поддерживают особо доверительные отношения. Все три высокоразвитые конституционные монархии – члены НАТО, ЕС. Попутно отметим, что один из членов ансамбля, а именно Бельгия, в последние десятилетия переживает серьезные противоречия между двумя своими основными частями – Фландрией и Валлонией, т.е. имплицитно конструкция ансамбля в целом состоит не из трех, а из четыре 93; элементов.

5.

Следующий ансамбль – Скандинавия, состоящая из Дании, Швеции, Норвегии, Исландии и Финляндии. Все пять стран побывали в составе общих исторических государств, большинство населения – лютеране, тесны и современные гуманитарные связи. При этом Исландии, по сравнению с четырьмя другими, принадлежит достаточно скромное место согласно ряду критериев: демографическому (население – 230 тыс. чел., тогда как в остальных проживает, соответственно: 5,3 млн., 8,9 млн., 4,1 и 5,1 млн.), экономическому и политическому. Поэтому, как и в случае Андорры, Монако, Сан-Марино в романском ансамбле, к Исландии применима категория «остальных».

6.

Теперь замкнем кольцо региональных ансамблей, опоясывающее Европу. Три балтийские республики – Эстония, Латвия и Литва – представляют собой сплоченную группу, синхронно утрачивавшую и обретавшую независимость. Эти государства, в течение веков испытывавшие влияние германского, российского и скандинавского миров, окончательно обрели суверенитет в 1991 г., теперь они члены ЕС и НАТО. В настоящее время в данных странах высок процент «русскоговорящих». Не исключено, что в перспективе к ансамблю следует отнести также и российский эксклав – Калининградскую область (границы «Европы» не обязаны в точности повторять межгосударственные границы). На одной из встреч в Евросоюзе В.В.Путин назвал Калининградскую область полигоном для отработки механизмов вступления России в ЕС, ныне там образована особая экономическая зона, на высоком уровне выдвигались инициативы о придании области статуса заграничной территории и даже о включении ее в зону евро [Стулов 14.02.2005], [Егоров 11.05.2005].

7.

Не охваченным пока остался центр континентальной Европы, южную часть которого занимают государства бывшей Югославии, а северную – германоязычные страны. С 1945 г. социалистическая Югославия состояла из шести союзных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Падение коммунистического режима в начале 1990-х гг. сопровождалось распадом страны; выход Черногории из общего государства с Сербией состоялся в 2006 г.

Все данные страны объединены славянским происхождением, говорят на одном либо родственных языках. Единое государство объединяло народы и до 1945 г.: с 1918 г. они входят в Королевство сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – в Югославию. Совокупность географических, этнолингвистических и исторических фактов позволяет констатировать определенное единство региона, но все же исторические пути его разных частей не полностью повторяют друг друга.

Обратим внимание на две доминанты, оставившие глубокий след в сознании жителей и других, уже рассмотренных региональных ансамблей: юго-восточного

(Румыния, Болгария, Греция, Кипр) и Вышеградского (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия). А именно: народы первого из них побывали в составе Османской империи, а второго – в Австрийской (Австро-Венгерской). Для бывшей Югославии значимы оба фактора. При этом только словенцы не попадали под власть Османской империи, пребывая под сенью Габсбургов. На фоне соседнего, юго-восточного ансамбля, культурная идентичность которого опирается на общую веру, православие, но этнически разнородного, в югославском ансамбле обратная картина – относительная этнолингвистическая однородность и конфессиональная пестрота (православие, католичество и ислам). В таком контексте едва ли случайны как объединение южнославянских народов в одно государство в 1918 г., так и его распад в 1991.

Словения уже входит в ЕС, и мало сомнений, что в перспективе в состав блока войдут и остальные. Несмотря на раны, нанесенные гражданской войной, со временем восстановятся и традиционные связи.

8.

Поднимемся на север. Здесь расположены высокоразвитые ФРГ, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн, т.е. германоязычные страны[2], добившиеся высокой демократической репутации. Самое мощное звено ансамбля, ФРГ, в послеялтинский период было фактически ограничено в своем внешнем суверенитете, но в настоящее время это препятствие устранено. Швейцария, в отличие от остальных, пока не входит в ЕС, однако в конце концов общий процесс интеграции, по всей видимости, не обойдет стороной и ее[3]. Регион в целом – зона западного христианства, в течение веков научившегося «симбиотическому» сосуществованию его различных ветвей (католической и протестантской).

К общим проблемам ансамбля, вероятно, следует отнести так называемый кризис идентичности, который на протяжении полувека переживали как отдельные страны (особенно Германия), так и субрегион как целое (в частности, из-за последствий гитлеровской агрессии, последующего стереотипа «гадкого немца», а также из-за швейцарских традиций обособления). Однако к настоящему времени исторические раны в значительной степени затянулись; оснований для отгороженности

Швейцарии в условиях исчезновения в Европе враждующих государств становится меньше, тогда как интеграционные тенденции нарастают.

9.

На Западе Европы расположены островные Великобритания и Ирландия, т.е. англоязычные страны, члены ЕС и НАТО. Сравнительно недавно здесь существовало единое государство: окончательно Ирландия добивается независимости лишь в 1949 г.

Этот ансамбль отличается известной отделенностью от континента – не только из-за пролива, но и в силу исторических обстоятельств. Здесь уместно вспомнить об английской традиции последних веков – служить главным образом «балансиром» в континентальных европейских делах, а также то, что со времен Столетней войны и войн с Голландией XVII в. Англия последовательно воздерживалась от серьезных самостоятельных акций на континенте, ставя акцент на военно-морском предотвращении возможной высадки армий европейских противников, а также на расширении владений в других частях света. Ей действительно удалось добиться исторической «равноудаленности» от любой из стран европейского континента, от складывающихся здесь долгосрочных альянсов. Ныне Британия позиционирует себя в качестве моста, соединяющего Европу с Северной Америкой (декларация «особых отношений» с США, «евроатлантизм»), а в вопросах евроинтеграции зачастую придерживается так называемого «третьего пути».

Европа – не закрытая, а до известной степени открытая система, одним из залогов чего на западе становится участие в европейских делах США и Канады, двух американских членов ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Соединенные Штаты, в свою очередь, стремятся сохранить свое присутствие в Европе: см., напр., слова Буша-старшего: «США должны оставаться европейской державой в самом широком смысле, в политическом, военном и экономическом отношениях» (цит. по: [Франк 1992: 22]). Британию, Ирландию, США и Канаду объединяет не только языковое единство, но и общий опыт пребывания под британской короной (Канада до сих пор – формально доминион). Из

трех этносов, сыгравших роль ядра американской нации, две – англичане и ирландцы, ныне их в США по 50 млн. чел.

США и Канада, разумеется, лишь косвенно принадлежат к одному из европейских региональных ансамблей, однако без отсылки к ним трудно понять его специфику. В состав данного ансамбля, вероятно, входит и один из членов Британского Содружества-Мальта, принятая в ЕС в 2004 г. (в ней, кстати, два государственных языка: мальтийский, английский), но, учитывая незначительность ее размеров – 400 тыс. чел., – ее роль относительно второстепенна.

10.

Турция – с 1952 г. член НАТО, в 1999 г. официально признана кандидатом в ЕС. Историю Европы едва ли возможно отделить от взаимодействия с ее территорией. Так, если культурная самоидентификация Европы Нового времени неотделима от апелляции к античному миру, то роль Малой Азии в последнем относится к ключевым. Позднее здесь располагалось ядро Восточной Римской империи, а империя Османская служила важнейшим фактором европейского политического равновесия. В настоящее время Турецкая республика – наиболее модернизированная и вестернизированная страна исламского мира. Со времен основания в 1923 г. здесь проводятся последовательные реформы, направленные на эволюцию в сторону демократии европейского типа.

Другие субъекты с преимущественно мусульманским населением также ищут свое место в Европе. Это вышедшая из самоизоляции Албания, более полутора десятилетий назад избавившаяся от коммунистического режима. К ним также, возможно, следует отнести Северный Кипр, в 1975 г. провозгласивший себя независимым. В ближайшей перспективе в список, по всей видимости, придется внести и Косово, большинство населения которого составляют мусульмане-албанцы, стремящиеся к отделению края. Трудно избежать впечатления, что в Европе – под прямой или косвенной морально-политической эгидой Турции – стремится образоваться исламский ансамбль. Не вполне компактный, находящийся на юго-восточной периферии Европы, он выглядит пока достаточно необычным с точки зрения традиционных европейских представлений. Однако по мере интенсификации

контактов с исторической Европой, дальнейшей модернизации, а также неизбежных изменений во взглядах самих европейских политиков (не следует забывать, что поскольку практически во всех европейских странах в последние десятилетия заметно растет доля мусульманского населения, постольку конструктивные отношения с этим сектором все более превращаются в фактор внутренней политики) процесс дальнейшей интеграции неизбежен. В любом случае без данного ансамбля представление о Европе будет неполным. Как не без оснований отмечают многие исследователи, по мере экономического, политического, военного роста большого исламского мира, а также дальнейшего увеличения удельного веса населения, исповедующего ислам, в странах традиционной Европы будет возрастать значение контактов между двумя историческими мирами, в контексте чего будет расти и целесообразность включения в европейский блок соответствующего медиатора, своего рода европейского форпоста на Востоке.

Теперь составим перечень региональных ансамблей. В западной части Европы обнаружены следующие ансамбли: германский, романский, Скандинавия, Бенилюкс, а также британский. В более проблемной восточной: Балтия, Вышеградский ансамбль, юго-восточный, югославский плюс исламский. Британский и исламский ансамбли отличаются от остальных принципиальной спецификой, так сказать «пограничностью»: с будущим американским блоком (на основе НАФТА (North Atlantic Free Trade Association)), во-первых, и с большим исламским миром, во-вторых. С учетом этого структура Европы по ансамблевому критерию может быть записана в виде:

лимитроф + четыре четыре + лимитроф

Здесь термином «лимитроф» обозначена упомянутая пограничность, а цифра четыре отражает количество «обычных» ансамблей. Структура Европы, таким образом, в данном отношении оказывается зеркально-симметричной (хотя в экономическом плане есть градиент: от более высокого уровня жизни на Западе к более низкому на Востоке; об абсолютной симметрии речь не идет). Кроме того,

более детальный анализ показывает, что в строении каждого из перечисленных региональных ансамблей воспроизводится по сути один и тот же паттерн, т.е. все они структурно гомологичны [Степанов 2004: 274-312].

Под упомянутой гомологичностью имеется в виду факт, что каждый из европейских региональных ансамблей тяготеет к прямой или косвенной четырехсоставности (подведомственность формуле «четыре» или «четыре и остальные»). Для пояснения этого обстоятельства приведем краткую сводку ансамблей.

Вышеградский ансамбль: Польша, Чехия, Словакия, Венгрия. Юго-восточный ансамбль: Румыния, Болгария, Греция, Кипр. Романский ансамбль: Италия, Франция, Испания, Португалия и «остальные». Бенилюкс: Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Однако Бельгия при этом имплицитно членится на Фландрию и Валлонию, значит, всего составных элементов – четыре. Скандинавия: Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия (Исландия же в более второстепенной роли «остальных»). Балтия: Эстония, Латвия, Литва, но также тяготеющий к ним Калининградский анклав. В отдельном комментарии нуждается Югославский ансамбль.

К данному региону формально относятся Сербия, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина, Черногория, а также Словения. Однако Словения по совокупности обстоятельств прошлого и настоящего в значительной степени выпадает из ряда стран югославского ансамбля, демонстрируя тяготение к ансамблю другому – германскому. Доминирующая конфессия здесь – западное, а не восточное христианство (католичество, а не православие). В отличие от остальных, эта самая западная часть бывшей Югославии осталась практически не затронутой культурно-историческим влиянием Османской империи, с начала XVI в. по 1918 г. входя в состав Австрийской империи, т.е. пребывая в ареале германского мира. По образу жизни, трудовой морали, ухоженности земли словенцев до сих пор нередко называют «славянскими немцами». В процессе распада Югославии Словении удалось продемонстрировать заметный иммунитет к насильственным методам решения политических конфликтов (стычка с армией Сербии продлилась всего неделю), она первой из стран региона – в 2004 г. – принята в ЕС. Возможно, не

следует сбрасывать со счетов и факт исторического стремления германского мира обрести выход к Средиземному морю. Долговременные старые стратегические цели, хотя ныне их не принято декларировать, все же в состоянии оказывать подспудное влияние и на современные процессы. Однако возвратимся к перечню европейских ансамблей.

Германский ансамбль: ФРГ, Австрия, Швейцария и, как только что сказано, Словения (плюс крошечный Лихтенштейн на правах «остальных»). Британский ансамбль: англоговорящие Великобритания, Ирландия и косвенно вместе с ними активно вовлеченные в европейские процессы США и Канада (Мальта же – в статусе «остальных»). Наконец, исламский ансамбль: Турция, Албания, Косово, Северный Кипр.

Попутно можно отметить, что если данная, полученная путем индукции гипотеза о важной роли сквозного кватерниорного принципа структурирования современной Европы хотя бы относительно справедлива[4], то ей соответствует также и список основных конфессиональных ветвей данного блока: протестантизм, католичество, православие и ислам (т.е. также 4). При этом «проблемным» в глазах коренных западных европейцев в настоящий момент выглядит не только последний сектор, но и православный. До сих пор в массовом сознании православие и ислам зачастую сливаются в своего рода синкретизированную «восточную религию». Тем не менее в процессе интенсификации экономических, политических и культурных контактов, объективного расширения Европы зарастание подобных «швов», по всей видимости, неизбежно. На основании всего сказанного, кроме того, может быть сделан вывод, что коллективным культурно-историческим представлениям европейцев о собственном регионе уже в настоящий период присуща заметная рациональность (в данном случае логико-числовая).

К ведущим силам углубления евроинтеграции относят прежде всего ответственные экономические и политические элиты отдельных государств, «брюссельскую бюрократию». Именно этим силам присуще видение Европы в широком мировом контексте, в свете надвигающихся перспектив и, соответственно, отстаивание преимуществ объединения. Такой – условно говоря «унифицирующий»,

«либеральный», принимающий в расчет в первую очередь материально-позитивные факторы – стиль мышления обычно идентифицируется как преимущественно рациональный. Противоположный стан составляют массы, тяготеющие к низу экономической пирамиды, которые обеспокоены потоком субсидий к новым членам ЕС, наплывом иммигрантов с востока. Новые (уже состоявшиеся и потенциальные) члены ЕС выглядят заметно инородными и по культурному признаку. Опасения социальных низов выражают силы, занимающие место по краям политического спектра – правые националисты, левые радикалы, антиглобалисты. Апелляцию к «духовности», культурно-исторической идентичности обычно квалифицируют в качестве «иррациональной».

Поскольку в европейских странах действуют демократические механизмы принятия решений, постольку политически значимой оказывается позиция и тех, и других. В настоящей статье мы постарались показать, что точка зрения, исходящая из культурно-исторических факторов, все же не лишена своеобразной рациональности, – по крайней мере, если к ней подходить на уровне элементов, более крупных, чем отдельные государства, и менее крупных, чем блок, т.е. региональных ансамблей. Альтернатива «Отечество Европа» или «Европа отечеств» тогда может быть опосредована ступенью «Европа региональных ансамблей», представляющая в виде составного, но при этом гармонически-рационального (и даже симметричного) целого.

Соответственно, процесс формирования Евросоюза предстает в качестве рационального в обеих встречных тенденциях: и интеграции, и фрагментации. При этом каждой тенденции отвечает собственный тип, или стиль, рациональности: исторически более новый, универсалистский, позитивистский, экстериорный, с одной стороны, и более элементарный «архаический», интериорный, отправляющийся от исторических корней, с другой.

В заключение отметим, что дополнительные исследования [Степанов А.И. 2004: 225-272] показывают, что к востоку от Европы существует самостоятельное, по своему целостное образование, представленное на соответствующих исторических этапах Российской империей, СССР, СНГ (Содружество независимых государств). При этом в XX в. – как в советский, так и в особенности постсоветский период –

здесь наблюдается аналогичная тенденция структурирования по региональным ансамблям, демонстрирующая признаки той же ведущей четырехсоставности, но при этом в несколько отличной разновидности по сравнению с той, что зафиксирована на собственно европейском пространстве. Основная причина отличий заключается в том, что в данном случае в системе присутствует такой резко выделяющийся по своему территориальному, демографическому, экономическому, политическому и военному весу элемент, как Россия (для Европы подобное явление не характерно), и это в еще большей степени относится к предполагаемому ядру СНГ (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан). Присутствие доминирующего ядра соответствует более выраженной централизации.

На этом основании была высказана следующая гипотеза [Степанов 2006: 54-57]. Между различными частями европейского и евразийского блоков существует известная культурно-историческая общность, в последнее время взаимодействие только интенсифицируется. Помимо того, в качестве важнейшего фактора для мирового сообщества в перспективе нескольких десятилетий ожидается экономическое и политическое усиление таких государств, как Китай и Индия. Активизация на мировой арене подобных единиц с полуторамиллиардным населением с новой остротой поставит перед остальными участниками международной конкуренции вопрос об интеграции (экономической, политической, военной, культурной). В таких условиях сближение ЕС и СНГ окажется объективно целесообразным. Однако, как было отмечено, две системы хотя и родственны, но все же внутренне разнородны, отчего обладают собственной самодовлеемостью. Поэтому модели «большой Европы» («Европа от Дублина до Владивостока») если и предстоит быть реализованной, то, по всей видимости, при сохранении за каждой из двух половин заметной самостоятельности. Прибегая к привычной терминологии, если Евросоюз в своих собственных рамках будет все дальше эволюционировать в направлении федерализации, то его связи с СНГ, или его преемником, окажется присущ более конфедеративный характер.

[1] О православных государствах бывшей Югославии, географически более западных, речь пойдет ниже, поскольку там, на наш взгляд, существует самостоятельный региональный ансамбль. В современных условиях не только (и часто не столько) общая конфессиональная принадлежность ответственна за интеграцию в ансамбли.

[2] В Швейцарии, хотя и проживают четыре этнолингвистические общины, немецкий язык считают родным 65% населения.

[3] В одном из интервью президент Швейцарской Конфедерации Адольф Оги говорит: «Стратегической целью Федерального Совета является присоединение к ЕС, но в настоящее время это оценивается нашим народом все еще весьма неоднозначно» [Оги 13.05.2000]. Швейцарский референдум 05.06.2005 г. подтвердил вхождение в Шенгенскую зону.

[4] На представленной в настоящей статье ступени анализа единственным исключением из общего правила выглядит югославский ансамбль, состоящий из Сербии, Хорватии, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины, т.е. из 5, а не 4 элементов. Возможны различные толкования данного обстоятельства. Прежде всего, последней обрела суверенитет отделившаяся от Сербии Черногория, численность населения которой заметно уступает остальным членам ансамбля (Сербия – почти 10 млн. чел., Хорватия – 4,7 млн., Македония – более 2 млн., Босния и Герцеговина – 3,6 млн., тогда как в Черногории проживает всего 620 тыс.). Применительно к иным ансамблям в тех случаях, когда вес некоторых элементов существенно уступал основным, мы применяли категорию «остальных», тем самым возвращая общую структуру к ведущей четырехсоставности. Кроме того, вклад преходящих моментов политической конъюнктуры по отношению к малым странам может быть значительно выше, чем для стран со значительно большим значением. Впрочем, и сама кватерниорная с 3-ема обладает скорее рационально-идеальным статусом, тогда как реальные системы, и не только в области политики, нередко демонстрируют определенные отклонения от общих закономерностей. Наконец, не может быть совершенно исключен вариант, что политическое формообразование в данном регионе еще не достигло стадии специфической окончательности и количество основных единиц еще претерпит определенные изменения. Детальный

анализ подобных вопросов, однако, увел бы нас далеко от непосредственных целей настоящей статьи.

Библиография

Бродель Ф. 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. М. Т.3.

[Егоров В.]. 11.05.2005. «Мы не хотим превратить область в Либерию». – Известия.

[Оги А.]. 13.05.2000. Хорошие отношения с большим потенциалом: Президент Швейцарской Конфедерации Адольф Оги отвечает на вопросы «Известий». – Известия.

Степанов А.И. 2004. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. – М.

Степанов А.И. 2006. Два старых памятника и один новый праздник // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. №7. С. 48–59.

Стулов И. 14.02.2005. Калининград в зоне евро. – Известия.

Франк А.Г. 1992. Экономические парадоксы в мировой политике. – Восток. №6.